

ИЗ НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ДРЕВНЕЙШЕГО РИМА

Вопрос о достоверности источников — отправной пункт всякого исторического исследования. Для историка древнейшего Рима — это вопрос о римской, прежде всего о ливианской традиции. Критика традиции, начатая Дж. Вико и развитая Г. Б. Нибуром, сделала историю древнего Рима наукой. Однако, как известно, плодотворный критический метод в конце XIX — начале XX в. был доведен (особенно в трудах Э. Пайса) до предела, который обратил его в свою противоположность: гиперкритика сыграла роль известного тормоза в науке о римской древности. Утверждение гиперкритических воззрений не было случайностью: объявляя римскую историю до III в. до н. э. вещью непознаваемой, оно явилось, по нашему мнению, отражением неокантианства в историографии. Хотя отход от гиперкритицизма начался уже в 20-е — 30-е годы и — в связи с накоплением новых материалов — «умеренная критика»¹ стала преобладающим

¹ Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, М., 1950, стр. 64; А. И. Н е м и р о в с к и й, История раннего Рима и Италии, Воронеж, 1962, стр. 16—17.

направлением в европейской науке, тем не менее работ по истории царского периода эта тенденция практически не коснулась.

После второй мировой войны наступила эпоха бурной деятельности археологов. Стали появляться работы, содержащие обзоры памятников материальной культуры Рима, его топографии и т. п. Наплыв археологического материала сначала оттеснил на задний план интерес историков к источниковедческим проблемам, но уже в 50-е годы позволил использовать новые данные археологии для проверки сведений, сообщаемых античными авторами.

В последние два десятилетия база источников по истории древнейшего Рима еще более расширилась. Успехи не только археологической, но и лингвистической науки, накопление эпиграфического материала, достижения этрускологии позволили по-новому взглянуть на историю царского периода и начала Республики, вывести ее в той или иной степени из области легенд и вымыслов. Естественным следствием этого явилось оживление источниковедческих интересов. Широкая панорама этрусской цивилизации,

открывшаяся глазам историков, представила богатый материал для сопоставления с данными традиции. «Исторический» Рим оказался в значительной степени этрусским, что и вызвало к жизни вопрос о следах этрусков в самой традиции. В этой связи следует упомянуть работу Карло Мариа Францерио «Жизнь и эпоха Тарквиния Этруского»².

В книге очень настойчиво и последовательно проводится мысль о значимости этрусского наследия. Рим был создан этрусками. Проводником этрусских установлений был уже Ромул (стр. 32). Такое утверждение нельзя понимать буквально. К. М. Францерио действительно историческими личностями среди римских царей считает лишь Тарквиниев. Остальные же цари представляются ему «персонификацией различных общин и народностей, из которых составилось население города» (стр. 32). Дошедшее до нас предание о раннем Риме, по мнению Францерио, было творчеством жрецов и историков, живших уже в то время, когда Рим был великим государством. Они не в силах были представить себе истинных масштабов прошлого, и поскольку слово «римлянин» стало почетным титулом, изображали дело так, будто с самого начала Рим был «метрополей», развивавшейся без посторонней помощи. В этом тщеславии, в этом ложном патриотизме Францерио видит истоки свойственной античной традиции тенденции замалчивать прежде всего этрусское влияние (стр. 33). Под этим углом зрения написана вся книга Францерио. С одной стороны, он очень точно следует традиции в изложении событий и тем более в описании быта и обычаев, а с другой, внушает читателю мысль, что античные авторы достоверно излагают многие факты, но интерпретируют их неправильно. Концепция Францерио сводится к тому, что Рим не был по своему происхождению гомогенным. Собственно римляне составляли только часть его, и уже с самого начала в Риме был исключительно сильным этрусский элемент. Именно в этом смысле и следует понимать положение о том, что Ромул был этруском. Борьба с преобладанием этрусков была закончена лишь Суллой, беспощадно разрушившим поддерживавшие Мария этрусские города. Но этруская культура, т. е. искусство, религия, наука продолжали служить Риму, дух Этрурии остался жить в Риме (стр. 249—251).

Итак, К. М. Францерио не отвергает полностью традицию о раннем Риме. Подтверждение ей он находит в материалах археологии и данных этрускологической науки, фальсификацию же усматривает в изыятии римской историографией в целом сведений о важной роли

этрусков в древнейший период римской истории.

В книге Раймона Блока «Тит Ливий и первые века Рима»³ ливийская традиция анализируется на основе сопоставлений с очень широким кругом данных археологии, эпиграфики и сравнительной истории религий индоевропейских народов. Занимаясь истоками традиции Ливия, Р. Блок не ограничивается определением местных (т. е. латинских или латино-италийских), а также греческих версий, но выделяет этрусские и кельтские.

Опираясь на вывод Ж. Байе о проникновении кельтизмов в религиозные верования римлян, Р. Блок возвращается к 26-й главе VII книги Ливия, на которую еще в 30-е годы обратил внимание А. Юбер, утверждавший, что в ней господствует неримская религиозная атмосфера. В этой главе рассказывается о героическом поединке молодого военного трибуна М. Валерия, получившего впоследствии прозвание Корва, с галльским воином. В соответствии с римскими представлениями, Валерий получил от богов проидий в виде прилетевшей птицы. Эта птица оказалась вороном и вмешалась в битву, вписывая когтями и клювом во врага римлян. Поскольку ворон — это птица очень распространенная в европейских странах, расположенных севернее Италии, и очень почитаемая у кельтов, о чем говорят ирландский эпос и имена галльских вождей, производящиеся от слова «ворон» (brân), а также потому, что поведение птицы вполне объясняется не римскими, а именно кельтскими представлениями о близости животных к богам, Р. Блок приходит к выводу об использовании римской анналистикой кельтских преданий (стр. 15—16). К этому, как нам кажется, следовало бы добавить, что Ливий, по крайней мере, не просто учитывал кельтские предания, но соответственно обрабатывал их в патриотическом духе.

Гораздо шире использует Ливий этрусскую традицию, что имеет особое значение именно для царской эпохи. Нельзя не согласиться с Р. Блоком в том, что римляне хорошо знали утерянную для нас этрусскую литературу («*Tuscae historiae*»), которая должна была содержать данные городских и семейных архивов Вей, Цере, Тарквиний, Вульци и других, близких к Риму этрусских центров. Видимо, вся вторая половина I книги Ливия, где говорится о Тарквиниях, как полагает исследователь, основана на этрусских источниках (стр. 14). Однако, оценивая характер использования этрусских версий Ливием, Р. Блок идет дальше, чем Францерио, в акцентировании антиэтруской направленности

² C. M. Franzero, *The Life and Times of Tarquin the Etruscan*, L., 1960.

³ R. Bloch, *Tite Live et les premiers siècles de Rome*, P., 1965.

анналистической традиции. Р. Блок справедливо говорит уже не только о замалчивании прогрессивной роли этрусков, но и о подчеркивании их недостатков и преуменьшении их заслуг (стр. 17, 47—49). В самом деле, все этрусские цари выглядят узурпаторами, всегда замешаны в каких-нибудь злодеяниях, склонны к тирании. Даже неоспоримо этрусские элементы римской жизни изображены в I книге Ливия как возникшие вопреки этрускам. Действительно, в 36-й главе Тарквиний Древний насмехается над гаданиями, которые собирается произвести авгур Атта Навий, но оказывается посрамленным, а инавгурация прочно утверждается в Риме. Так анналистика лишает этрусков авторства в избрании столь прославленного института. Нечто подобное происходит и в случае с кумской свивиллой. Этрусский царь (Тарквиний Древний или Гордый) проявляет вопиющую неадекватность, отказываясь уплатить запрошенную ему сумму за пророческие книги. И здесь дело спасает лишь вмешательство римского авгура. Р. Блок остроумно предпологает, что этот эпизод придуман с целью замаскировать этрусское происхождение высоко чтимого римлянами священного сборника.

Книга Р. Блока, как мы уже отметили, интересна не только выявлением различных версий в ливианской традиции, но и проверкой их с помощью других источников. Сам по себе этот метод нов и давно завоевал признание историков, но следует отметить, что Блок использует свежие археологические и эпиграфические материалы. Сопоставления, сделанные им в книге, столь важны для оценки традиции, что мы приведем здесь некоторые из них.

1. Согласно Ливию (1, 2, 6), троянец Эней прибыл в Италию и основал там город Лавиний, где и почитался после смерти под именем Юпитера Индигета. Легенда о блужданиях Энея, как уже давно установлено, была, по крайней мере в VI в. до н. э., хорошо известна этрускам⁴, о чем свидетельствуют многочисленные находки в Вейях изображений Энея с отцом Анхизом. На основании найденной в 50-х годах близ Праттика ди Маре надписи IV в. до н. э. с посвящением лару Энея, Р. Блок говорит о культе троянского героя в Лации в это раннее время (стр. 27). Привлекает он и новый интересный в этой связи археологический материал, опубликованный в 1962 г. Р. Перони: это — находки апенинской и субапенинской керамики конца II — начала I тыс. до н. э. на месте Бычьего рынка в Риме, которые позволяют Блоку поставить вопрос о заселении этой части Лация до Ромула, что

соответствует традиции о колонизации Энея (стр. 34).

2. Сообщение Ливия о Ромуловом поселении на Палатине получает новое подтверждение в археологическом исследовании Гермала, результаты которого опубликованы С. Пульизи, П. Романелли и другими в 1951 г. В северо-западном углу Палатина в туфовом грунте были обнаружены углубления, соответствующие основаниям стоявших здесь некогда хижин. Форма их повторяется в погребальных урнах VIII в. до н. э. самого Рима, района Альбанских гор и Южной Этрурии. Эти хижины, по словам Р. Блока, «подводят основание под легенду о Ромуле» (стр. 36—37), точнее говоря, под легенду об основании Рима в указанное время.

3. Из сообщений традиции следует, что превращение Рима в город в собственном смысле слова произошло при этрусских царях, т. е. в VI в. до н. э. Р. Блок находит новое доказательство верности этой датировки в материалах раскопок, осуществленных Гьерстадом в середине 50-х годов. Именно к началу VI в. до н. э. относится процесс исчезновения хижин на месте будущего форума, который тогда же впервые замаскируется (стр. 41—42).

4. Ливианская традиция содержит сведения, позволяющие полагать, что первоначальный Рим состоял из разнородных по своей этнической принадлежности поселков и что древнейшие жители Рима принадлежали к латинам и сабинам. Достоверность этого сообщения составляет предмет давнего спора. Отталкиваясь от разнохарактерности погребальных обрядов могил форума, а также от вывода Гьерстада о возникновении Рима путем слияния отдельных поселков, а не посредством расширения единого ядра (что доказывал еще Дж. Пинца), Р. Блок высказывает мнение о достоверности упомянутых сообщений Ливия (стр. 39—41).

5. Из рассказа Ливия следует, что с утверждением этрусской династии Рим превратился в процветающий, богатый город. Археологическое изучение Рима выявило остатки мощной городской стены, вымостки форума, следы храма Юпитера на Капитолии. Р. Блок расценивает эти археологические данные как подкрепление ливианской традиции (стр. 51—52).

6. Античная традиция рисует сложный образ Сервия Туллия, сыгравшего исключительную роль в укреплении римского государства и, в частности, римской военной мощи. Происхождение столь значительной личности представляло большой интерес для римлян. Все известные версии единодушно называют его матерью рабыню Тарквиния Древнего, а отцом — либо клиента царя, либо божество. У Ливия Сервий максимально

⁴ М. Pallotino, *L'etruscologia*, Milano, 1955.

«латинизирован»: его мать — корнукулская царица, отец неизвестен, родился и воспитан Сервий в Риме. Р. Блок приводит убедительные данные в пользу иной, этрусской версии, согласно которой Сервий Туллий был этрусском, сподвижником этрусских вождей или царей, выступивших против Рима. Эти сведения содержатся в лионской таблице⁵ с речью императора Клавдия, сославшегося на этрусское предание, идентифицировавшее Сервия Туллия с этрусским вождем Мастарной, другом некоего Целия Вибенны. Знаменитая фреска из могилы Франсуа в Вульчи изображает подвиг Мастарны и его друзей, Целия и Авла Вибенны, участвовавших, видимо, в числе других этрусков в походе на Рим, где правил Гней Тарквиний. Историчность Авла Вибенны подтверждается находкой из Вей — осколками вазы с именем Aule Vipiennas, о чем писал М. Паллотино в «Studi Etruschi» (т. XIII, 1939). Таким образом, Р. Блок показывает значение выявления подлинно этрусских истоков анналистической традиции.

Признание достоверности значительной части сообщений Ливия о царском периоде и одновременно антиэтрусской направленности ливийского рассказа приводит Р. Блока к постановке кардинальных вопросов истории древнейшего Рима. Таким первоочередной важности вопросом оказывается датировка изгнания этрусков и установления Республики в Риме. Взаимосвязь и одновременность этих событий до последнего времени считалась установленным фактом. Вызывала сомнение лишь дата 510/509 г. до н. э., подозрительно синхронная крушению тирании в Афинах, что наводило на мысль об искусственном «подтягивании» римской хронологии к греческой.

Уже в 50-х годах в одной из своих статей⁶ Р. Блок настаивал на том, что по меньшей мере вплоть до второй четверти V в. до н. э. в экономической и религиозной жизни Рима никакого упадка не прослеживается. Более того, именно на этот отрезок времени падает, согласно Ливию, исключительная активность строительной деятельности римлян, а по данным археологии, — интенсивный импорт греческой керамики. Аналогичная картина экономического процветания наблюдается в это время и в Лации и в Этрурии. На этом основании в книге Р. Блока высказано мнение, что говорить об изгнании этрусков, за которым последовала полоса военных потрясений, для этого периода истории Рима еще рано (стр. 62—64). Вместе с тем, наукой

установлено⁷, что в конце VI — начале V в. до н. э. по всей Италии — в Лации, Этрурии, у осков и умбров царская власть уступает место республике. На этом основании Р. Блок считает вероятной аналогичную трансформацию и в Риме. Он высказывает оригинальную гипотезу о одновременности фактов изгнания этрусков из Рима и установления в нем республиканского режима. Основываясь на археологических показаниях о снижении уровня экономики, согласующихся с данными о военных поражениях этрусков, Р. Блок предлагает датировать изгнание иноземных тиранов, т. е. этрусков, из Рима 475 г. до н. э. (стр. 68). По его мнению, анналистика отодвинула вглубь истории это событие для того, чтобы представить возведение величайшей римской святыни, храма Юпитера Капитолийского, построенного этрусскими царями, делом истинно римским (стр. 78).

Разумеется, все это пока гипотеза, не лишенная, по нашему мнению, веских оснований, но вызывающая в свою очередь новые проблемы, как например, проблему удельного веса этрусков в населении Рима царского периода, или вопрос о связи новой датировки изгнания этрусков (475 г.) и Диодоровой датировки учреждения народного трибуната (470 г.). Не касаясь всего богатства содержания книги Р. Блока, подведем только некоторые итоги его источниковедческой работы.

В первую очередь надо подчеркнуть, что Р. Блок не отказывает Ливию в достоверности многих сообщений, касающихся древнейшего Рима. Он приводит убедительные доводы в пользу того, что ливийская традиция не является лишь спекулятивным творчеством поздней римской историографии. Исследование Р. Блока убеждает нас в том, что Ливий использовал весьма ранние версии, прежде всего этрусские. В дополнение к приводимым им данным можно упомянуть в этой связи еще тот факт, что история этрусских царей у Ливия озаглавлена выдающейся ролью женщины, которая совсем не соответствует римской общественной практике и вполне согласуется с фактами социальной истории этрусков.

Ливийская традиция включает в себя сведения, как показывает Р. Блок (стр. 88—89), восходящие к латинской традиции, зафиксированной в равном Лации — IV в. и даже конца II тыс. до н. э. Этот вывод может быть подкреплён топонимическим материалом, приводимым Р. Парибени⁸.

⁵ Бронзовая таблица из Лиона исследована Ф. Фабиа в 1929 г.

⁶ R. Bloch, Rome de 509 à 475 environ avant J. C., REL, XXXVII, (1959).

⁷ S. Mazzarino, Dalla monarchia allo stato repubblicano, Catania, 1945.

⁸ R. Paribeni, Storia di Roma, I. Le origini e il periodo regio, Bologna 1954, стр. 58.

Рассмотренной здесь книгой Р. Блок на основе новых материалов показал плодотворность критического метода в работе над традицией, дав образцы выявления достоверных фактов в той части труда Ливия, где они заведомо искажены.

Рассмотрим еще одну специально историко-лингвистическую работу, принадлежащую перу Ж. Пусэ. В своей книге «Исследование сабинской легенды в истории первоначального Рима»⁹ он исходит из признания первостепенного значения литературной традиции, без которой «не было бы нужды и в усилиях археологов и лингвистов» (стр. X). Античная традиция изучается им в целом (а не только ливиянская), но зато лишь в связи с одной, хотя и очень важной проблемой — о роли сабинян в период царского Рима. Для выяснения этого Пусэ считает необходимым стратиграфировать в источниках известия о сабинянах, определить относительную хронологию этих известий.

Прежде всего Ж. Пусэ обращается к вопросу об отношении сабинян к Квириналу. В центре его внимания стоит версия, связывающая Квиринал с Титом Таццем. Она содержится в рассказе Дионисия и отсутствует у Ливия, который говорит о включении Квиринала в возникающий город лишь во времена Сервия Туллия. Схема синонимизма холмов, переданная Ливием, с точки зрения римлянина, естественнее, чем переданная греком Дионисием. Ведь Квиринал и Виминал, образующая согласно Варрону, regio Collina, рассматривались древними как некое единство. Поэтому, учитывая римскую топографию, Пусэ приходит к выводу о том, что прав Ливий и что он отражает более раннюю версию, чем Дионисий и другие авторы. Подкрепляет этот взгляд Пусэ и изучением этимологических отношений между словами Cures, Quirites, Quirinalis. Первоначальное значение слова «Quirites», согласно многим авторам (Ливию, Дионисию, Плутарху, Фесту) не связано с их этнической принадлежностью. В термине «квирит» подчеркивалась гражданская правоспособность римлян в противовес их воинской деятельности. Зреть же поздней Республике по созвучию вывели Quirites из Curenses, т. е. жителей Cures, поселившихся на Квиринале (стр. 6—12, 18—20). Так заключает Пусэ, «в древности сабинский характер Квиринала был легендой, а в наши дни стал настоящей историей» (стр. 21).

В ту же цель бьет и изучение Жаком Пусэ функций бога Квирина. Это — очень древнее божество, связанное с земледелием, входившее в «докапитолий-

скую» (т. е. доэтрусскую) триаду — Юпитер, Марс, Квириш. — так как наряду с Юпитером он имеет иерархию фламингов — старших и младших. Впоследствии (во всяком случае во II в. до н. э.) Квириш получает и военные функции, ибо Полибий (III, 25, 6) называет его в переводе на греческий язык Эниалием. Поздние источники (August., De civ. dei, II, 15) упоминали, что после смерти Ромул получил прозвание Квирина, но ни Эний в апофеозе Ромула, ни Ливий не знают этого. Отсюда следует, что и здесь традиция, передаваемая Ливием, — наиболее древняя, восходящая ко времени обожествления Ромула, т. е. к III в. до н. э.

Вообще же, по мнению Пусэ, Квириш считается сабинским божеством на основе неправильного чтения текста Варрона, где он дает список nonnulla nomina bojestva, могущих практически иметь и сабинскую и латинскую этимологию, но связанных первоисточником Варрона, какими-то Annales, с Титом Таццем. Пусэ склоняется здесь к гипотезе Дюмезиля: поскольку учреждение культов в традиции представлено привилегией сабинянина Нумы, по его модели сконструирован Тит Тацц (стр. 51—52), с помощью которого Квириш становится важным и древним сабинским богом. Таким образом, по мнению Пусэ, Квириш не может служить доказательством сабинского характера Квиринала.

Столь же кропотливую работу проводит Пусэ и по проверке сабинской принадлежности Капитолия. Он отмечает, что археологический материал слишком незначителен, чтобы подтвердить традицию о «сабинизме» Капитолия. Весьма интересен в книге Пусэ пассаж, касающийся ономастики холма «Капитолий» — самое позднее название. Ему предшествовали «mons Saturnus» и «mons Tarpeius». В древности «Capitolium» связывали с «сарит», в чем, по справедливому замечанию Пусэ, нет ничего сабинского. Мало сабинского и в Тарпейской Горе (стр. 82—91), так как античные авторы за редким исключением считали Тарпейю римляночкой. Из множества этимологий, предложенных современными учеными, Пусэ отдает предпочтение теории Пайса, который сблизил слова «Tarpeius» и «Tarquinius». Приняв эту этимологию, Ж. Пусэ предложил интересную гипотезу: этруски сделали будущий Капитолий военным и религиозным центром и дали ему имя царя-основателя. После же их изгнания, в силу damnatio memoriae произошло изменение названия. Эта трансформация испытала на себе влияние лингвистического явления оско-умбурского характера (соответствие латинского *qi* и оско-умбурского *p*). Оно не случайно, а связано с сабелльской экспансией V в. до н. э., волна которой достигла и Капитолия. Итак, появление в традиции на-

⁹ J. P o u s e t. Recherches sur la légende sabine des origines de Rome, Louvain, 1967.

звания «Tarpeius mons» относится к V в. и обусловлено антиэтрускими настроениями и инфильтрацией сабинского элемента в Риме (стр. 93). Отсюда следует, что как бы то ни было связать Капитолий с сабинами вопреки традиции раньше, чем в V в. до н. э. нельзя.

В традиции содержатся рассказы о захвате Капитолия сабинянами. Первый связан с предательством Тарпейи. Эта тема впервые появляется у Фабия Пиктора и Цинция Алимента, писавших около 200 г. до н. э. Ж. Пусэ считает, что римская традиция использует здесь ходячий греко-эгейский сюжет (стр. 115) (Скилла, дочь Нисоса, царя Мегар, осажденных Миносом, Комайфо, влюбленная в Амфитриона, и др.). В эпизоде есть несообразности: сабиняне излишне богаты. Исследователь полагает, что, учитывая этимологию имени Тарпейи, интеграцию этого греко-эгейского ядра в римскую псевдоисторию, как он называет — вполне в духе гиперкритики — легенду о сабинянах, можно датировать между 500 и 300 годами до н. э. Известное влияние на создание этого эпизода оказали, по его мнению, действительно исторические события 460 г. до н. э. — выступление Аппия Гердония. В этом объяснении Ж. Пусэ снова пользуется приемом гиперкритиков.

Придя к заключению, что Квиринал и Капитолий не связаны с сабинскими поселенцами, Ж. Пусэ переходит к рассмотрению легенды о сабинских царях. Известно, что Бернарди и другие ученые рассматривают первых римских царей как сабинскую династию (стр. 137—139). Сопоставляя сообщения Ливия, Дионисия и Плутарха о «сабинизме» Нумы, Ж. Пусэ отмечает, что ядро их весьма незначительно и принадлежит Ливию. Плутарх дает новый по сравнению с его предшественниками аргумент: родство Нумы с Т. Тацем. Полагая, что деяния Нумы не несут в себе ничего сабинского, а являются чисто римскими, Пусэ объявляет и сабинское происхождение Нумы фабрикацией поздних историков. Тем же способом ведется и разбор рассказов об Анке Марции. В результате Ж. Пусэ высказывает мнение о том, что «сабинизм» от царя к царю фактически уменьшался, хотя у Плутарха наблюдается обратная картина. Обилие сабинских черт у Нумы и Анка в передаче Плутарха лишь доказывает их позднее происхождение, не связанное с ранней традицией.

В духе «псевдоистории» понимает Пусэ и похищение сабинянок (стр. 164—171). Сравнивая данные у Ливия, Дионисия, Цицерона и Плутарха, касающиеся названия события, его датировки, его причин и числа похищенных, он выделяет первоначальное ядро традиции, содержащееся в рассказе Ливия. Ж. Пусэ настаивает на том, что сначала говорилось

лишь о *virgines raptae*, о τῶν παρθένων. Это достигается весьма искусственным изъятием ценинцев, антематов и крустумерийцев из общей массы сабинян. В данном случае и версия Ливия, и тот факт, что более ранний автор, Эний, писал трагедию «Сабинянки», трактуются весьма произвольно. Поздний и недостоверный характер версии о похищении сабинянок в книге Пусэ не доказан.

Следя весьма скрупулезно за всеми упоминаниями о сабинянах в традиции, Ж. Пусэ не оставляет вниманием и рассказ о битве римлян и сабинян в районе будущего форума после похищения сабинянок. Схема у Ливия и Плутарха одна и та же. Рассказ Дионисия значительно подробнее, с множеством мелких деталей, с известной «симметрией»: действуют два фланга римских войск, во главе их два начальника, оба они ранены, оба войска достигают подножия холмов. По мнению Пусэ, это — пример «удвоения», характерный для поздней римской традиции (стр. 194). Самой ранней из версий Ж. Пусэ справедливо считает версию Ливия, поскольку один из имеющих у всех авторов эпизодов — падение Метия Курция в озеро — изложен Ливием так же, как у Кальпурния Пизона, автора второй половины II в. до н. э. (известие это сохранено Варроном). Однако, вся битва представляется Жаку Пусэ сконструированной и в своей ранней версии по более поздней модели — битва при Луцерии 294 г. до н. э. во время Третьей Самнитской войны (стр. 206—212).

Разбирая разные версии традиции о вмешательстве женщин в битву на форуме, Пусэ и здесь называет версию Ливия наиболее древней. Он обращает внимание на то, что Герсилия, супруга Ромула не названа у Ливия сабинянкой, не указано ни число похищенных, ни причины, по которым курии получили имена этих женщин. В противовес скудным сообщениям Ливия рассказ Дионисия пестрит обилием деталей. Пусэ предполагает, что в этой части своего труда Дионисий основывается на анналах Гнея Геллия (II в. до н. э.), известного своими дополнениями и изменениями, привнесшими в традицию о древнейшем Риме. Вместе с тем, и самая древняя версия, по мнению Пусэ, не делает битву Ромула с сабинами подлинным историческим фактом (стр. 214—240).

Не усматривает Ж. Пусэ и историчности эпизода с Курцием (стр. 242—259). Признавая, что версия, приписывающая ему сабинское происхождение, древнее считающей его римлянином, Пусэ видит и в ранней версии лишь попытку ввести в древнейшую римскую историю сабинян. Легенды о Курции во всех вариантах носят эпонимический характер и призваны объяснить название реально существовавшего на форуме водоема или болота, осу-

шенного в IV в. до н. э., может быть, под руководством какого-то Курция.

Рассматривая традицию о двоевластии Ромула и Тита Тация, Ж. Пусэ опять-таки сначала выделяет общие для разных версий моменты: с именем Тита Тация связывается командование сабинским войском, соблазнение Тарпейи золотом и заключение римско-сабинского договора. Он отмечает, что и в этой части традиция на дистанции от Ливия к Дионисию обогащается деталями, авторами которых были младшие анналисты — Лициний Макр, или Кв. Элий Туберон, или Валерий Анциат. Наиболее древнее ядро традиции содержится в скудных сообщениях Ливия. По мнению Ж. Пусэ, в изображении двоевластия сабинская легенда обнаруживает особую динамичность. Все известия о римско-сабинской битве на форуме, о захвате Капитолия Тацием, о его резиденции, а также о войне против камеритов, по мнению Пусэ, носят вторичный характер и не могут быть использованы для реконструкции древнейшей истории Рима (стр. 300—327).

Наконец, Ж. Пусэ касается проблемы трех триб. Все его рассуждения направлены на то, чтобы доказать, что и тут Ливий представляет раннюю версию. В традиции конца Республики существует положение о том, что последствием римско-сабинской войны было создание курий, а также объединений Тициев, Рамнов и Луцеров. Этому противостоит мнение Варрона, который полагает, что 3 трибы и 30 курий были в Риме уже до вторжения сабинян.

Среди представителей первой точки зрения выделяется версия Ливия, который считает Тициев, Рамнов и Луцеров не трибами, а всадническими центуриями. При этом этимологии Луцеров Ливий не касается. Поскольку известно, что тезис «Луцеры от Лукумона» выдвинут только М. Юнием Гракханом, другом Гая Гракха, Пусэ приходит к выводу, что в данном случае Ливий использует сведения не моложе половины II в. до н. э. Он добавляет к этому, что у Ливия отсутствует и версия о посольстве похищенных женщин к сабинянам, идущая от Гнея Геллия, автора половины II в. до н. э. Значит, заключает Пусэ, и здесь Ливий основывается на самых ранних известиях, причем (как и следующий за ним во многом Плутарх), оставляя в стороне этрусков (стр. 339—344, 350).

Очень детально разбирает Ж. Пусэ в этой связи и сообщения Плутарха, стараясь установить его первоисточники. Он предпологает, что в жизнеописании Ромула использованы сведения, исходящие от Ливия, но уже подвергшиеся переработке, а также — от Варрона, но не непосредственно, а через компиляторов, возможно, через Юбу Мавританского (стр. 353—354). Что касается сообщений Веррия Флакка, Феста, Павла Диакона

и Сервия по рассматриваемому вопросу, то они носят вторичный характер, эклектически объединяя различные версии (стр. 355—359).

Анализ реформы центурий, предпринятой Тарквинием Присксом, опять-таки приводит Пусэ к выводу о том, что Ливиева традиция «центурий» древнее традиции «триб».

В книге содержатся далее интересные страницы, посвященные разбору ономастики с корнем *Tit-*: *Sodales Titii*, *curia Titia*, *gens Titia*, *prænomēn Titus*. Опираясь на выводы Паллоттино об этрусском характере соответствующих *praenomena* и *gentilicia*, Ж. Пусэ допускает, что они были известны в этрусском Риме VI в. до н. э., но исчезли в эпоху поздней Республики. Поэтому для объяснения термина *Titenses*, *curia Titia* и других эрудиты изобрели их связь с Титом Тацием. Искусственность этих этимологий, согласно Пусэ, доказывается тем, что они производятся от *praenomen*, а не от родового имени царя (стр. 386—403). И этот пассаж направлен на то, чтобы, оторвав трибу Тициев от Тита Тация, лишить сабинян места среди основателей Рима.

Ж. Пусэ не может обойти вопроса о том, почему же в римской традиции, в основных чертах принимаемой многими современными учеными, сабинянам отводится столь значительная роль в основании Рима. Для решения его он обращается к событиям конца VI в. до н. э. В это время, по его мнению, кончилось этрусское господство в Лации, а северные латины не могли противостоять натиску сабинян, которые на протяжении первой половины V в. до н. э. были основными врагами римлян и в период с 495 до 458 гг. четырежды подступали к городским стенам. Культурно-политическим пунктом сабинской угрозы был захват Аппием Гердонием в 460 г. до н. э. Капитолия. В этих условиях римлянам приходилось интегрировать отдельные группы сабинян, как например, пришедших с Аттой Клавзом. Этот случай, полагает Пусэ, не был единичным. Но именно он оказался зафиксирован традицией, потому что пришельцы были особенно многочисленны, а Клавдии были приняты в патриции, выдвинули множество представителей в консулы, диктаторы и т. п.

Таким образом, исключительная роль, которую играли в начале Республики члены выдвинувшихся сабинских родов, обосновавшихся главным образом мирным путем в Риме, и обусловлена, по мнению Пусэ, то, что традиция приписала им деяния, совершавшиеся еще при Ромуле (стр. 421—427), а тема двоевластия была введена для оправдания дуальности консулата.

Не касаясь оценки ни общей концепции Ж. Пусэ о возникновении Рима, ни даже значения сабинского элемента в этом процессе, поскольку это требует спе-

циального исследования, обратимся лишь к источниковедческой стороне его работы.

Прежде всего отметим, что Пуэз последовательно пользуется методом сравнения различных версий античных авторов и сопоставляет их, по возможности, с новейшими данными археологии, эпиграфики и ономастики. Древнейшей версией «сабинского периода» он считает версию Ливия. Однако эта «древность», по его мнению, весьма относительна, она не опускается в целом ниже начала III в. до н. э. и к тому же не служит гарантией достоверности. Древнейшая история во многом — псевдистория. Так же — вполне в духе гиперкритики — Пуэз утверждает, что захват Капитолия Тацием и его битва с Ромулом на форуме сконструированы по более поздним историческим моделям. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что в противоречии с гиперкритикой историческими Пуэз считает события достаточно глубокой древности (конфликты римлян с сабинянами, начиная с 505 г. до н. э., эпизод с Аппием Гердоном), не отвергает возможности проникновения этрусков в Рим до VI в. до н. э. и призывает историков уважать традицию и работать над ней, оговаривая, что его анализ касается только «сабинской легенды». Отвергая традицию о важной роли сабинян в создании Рима, Ж. Пуэз тем самым подчеркивает свое положительное отношение к версиям о решающей роли собственно римского элемента. Все это, несмотря на разрушительную критику «сабинизма», позволяет отнести и

Ж. Пуэз к крылу историков, отошедших от категоричности гиперкритицизма, который допускал достоверность традиций лишь начиная с событий III в. до н. э.

Подведем некоторые итоги. Уже само появление рассматриваемых здесь работ весьма симптоматично, отражая новое состояние круга историков, т. е. его расширение, а вместе с тем и более объективное отношение к античной римской традиции. При всех оговорках фактически признается, что ливвианская традиция может быть использована для реконструкции истории древнейшего Рима, т. е. царской эпохи и начала Республики. Источниковедческая критика идет по пути вскрытия этрусских, сабинских и других версий в традиции, обнаруживая ее самые ранние пласты, хотя они не всегда оказываются наиболее достоверными. Тем более важным представляется в этой связи сопоставление традиций с археологическими памятниками и данными этрускологической науки. Уже теперь можно, перефразируя Ф. Мищенко, сказать, что в начале нашего века был произведен «не в меру строгий суд» над Ливием, да и над всей римской традицией. К. М. Францери, Р. Блок и Ж. Пуэз в своих книгах практически отходят от мнения о невозможности изучения древнейшего Рима и дают заслуживающие внимания образцы плодотворного и критического использования для этих целей римской, в первую очередь ливвианской, традиции.

П. Л. Маяк